

УДК 94(470):373(075.3)

doi 10.17072/2219-3111-2021-4-56-68

Ссылка для цитирования: *Суслов А. Б., Шуйская Е. В.* Российская история XXI века в зеркале школьных учебников истории // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 4(55). С. 56–68.

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ XXI ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ

А. Б. Суслов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 614070, г. Пермь, ул. Студенческая, 38

absuslov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6127-7623

ResearcherID: J-9972-2015

Scopus Author: 57209235193

Е. В. Шуйская

Гимназия №2 г. Перми, 614051, Россия, Пермь, ул. Старцева, 1А
catalinamu7@gmail.com

В статье анализируется, как проблематика российской истории XXI в. рассматривается в современных школьных учебниках по истории России. Актуальность исследуемой проблемы определяется в первую очередь значимостью учебников истории для конструирования политики памяти. При этом обращается внимание на недостаточное освещение в современной историографии преобразований 2000-х гг. – важного периода исторического развития. Представление в учебниках истории России последнего десятилетия анализируется в сравнении с экспертными оценками экономистов, социологов и политологов. Авторы приходят к выводу, что российская история XXI в. на страницах современных официально одобренных учебников предстает как непротиворечивый поступательный процесс развития обретающей мощь державы. Если в отношении истории 1990-х гг. о единстве трактовок тех же самых авторских коллективов говорить не приходится, то в отображении последнего десятилетия трактовки совпадают. При этом можно найти довольно много заимствований из официальной и пропагандистской риторики. Если в отношении событий 1990-х гг. (и более ранних) авторы учебников подбирали альтернативные точки зрения, то последующие события оцениваются однозначно. Можно говорить, что история последнего десятилетия в исследуемых учебниках лишь в малой степени отражает цели исторической науки, в большей степени соответствует целям исторической политики. Последнее становится тем более очевидным, учитывая, что исследования российских ученых, вне зависимости от их взглядов, невозможно охарактеризовать как апологию действий политических руководителей.

Ключевые слова: учебник истории, 2000-е гг., реформы, политика памяти, история России.

Роль учебников истории для формирования исторической памяти чрезвычайно важна. На это указывают многие ученые [Вяземский, 2011; Вязовик, 2014; Мазур, 2013; Софронова, 2019]. «Создание историографической ортодоксии является одной из важнейших форм исторической политики. Она распространяется не только на академические исследования в области истории, но на школьное и университетское образование, деятельность СМИ, научно-популярную и художественную литературу, искусство – словом, на все, что может повлиять на сознание граждан», – утверждает В. Молодяков [Молодяков, 2011, с. 19]. А. И. Миллер считает учебники истории центральной темой политики памяти последних лет [Миллер, 2014, с. 49].

Участие президента В. В. Путина, патриарха Кирилла и других официальных лиц в дискуссиях об учебниках истории подтверждает злободневность проблемы. Не может не настора-

живать стремление унифицировать преподавание истории в школе, что проявляется и в сокращении количества альтернативных учебников, и в сентенциях должностных лиц, и в продавлении подобных идей на организуемых прогосударственными структурами «общественных» обсуждениях. Так, 27 мая 2019 г. в Общественной палате РФ прошел круглый стол на тему «Историческая память современной российской молодежи». Там профессор кафедры истории социально-политических учений Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Сергей Перевезенцев довольно отчетливо заявил о необходимости формирования «единого исторического сознания»: «Существует понятие “единое историческое сознание” – комплекс важнейших исторических событий, единая оценка которых основывается на единой исторической судьбе, признании принадлежности к народу и государству, ощущении причастности к судьбе своего народа. При этом если государство стремится к тому, чтобы у населения было определенное историческое представление о прошлом, иными словами, было сформировано единое историческое сознание, то должна быть вразумительная государственная политика в этой области. Сегодня же нередки случаи переписывания истории, более того, с задачей формирования единого исторического сознания не справляется современное историческое образование» [Уроки истории..., 2019].

Особое место в учебниках истории занимает проблематика последнего периода – начиная с 2000 г. Нельзя не заметить, что историки пока оставили очень мало трудов, посвященных этому этапу исторического развития нашей страны. Очевидно, что многих смущает близость исторической дистанции. Большая часть опубликованных работ подготовлена экономистами, политологами и социологами. Содержание публикаций показывает, что ученые, во всяком случае большая их часть, не стесняются высказывать свое мнение. Это мнение, как правило, серьезно отличается от оценок официальных лиц и прогосударственных СМИ.

К сожалению, отражение преобразований последних лет в учебниках истории редко становится предметом научного анализа. Тем более интересно исследование Е. Левинтовой и Д. Баттерфилда, проанализировавших более 15 наиболее популярных учебников по новейшей истории России, изданных в 1998–2008 гг. и в то время вошедших в федеральные комплекты, рекомендованные Министерством образования РФ [Баттерфилд, Левинтова, 2010]. Авторы обращают внимание на то, что «с начала XXI в. в России происходит очень осмысленный процесс формирования исторических трактовок на государственном уровне» и это находит отражение в учебниках. В частности, это подмечается в описаниях периода президентства В. В. Путина, которые мало отличаются в интерпретациях разных авторских коллективов, особенно в сравнении с более ранними этапами исторического развития: «В отличие от “ельцинского” периода, который на страницах учебников предстает как в лучшем случае противоречивый, а в худшем – весьма проблематичный, следующий этап новейшей российской истории описывается гораздо более позитивно, если не сказать – хвалебно» [Там же].

То же констатирует Т. Филиппова: «Если 1990-е отличались в этом смысле выраженной политизацией истории, стремлением противоборствующих сил “приватизировать” прошлое в меру собственных задач, то второе постсоветское десятилетие было отмечено курсом на историзацию политики, желанием придать историческое измерение новому курсу власти на “собрание” России, державостроительство и формирование позитивной идентичности российской нации» [Филиппова, 2011, с. 36].

Рассмотрим, как в этом дискурсе выглядят современные учебники по истории России. Оговоримся, что наше внимание будет сосредоточено в первую очередь на вопросах социально-экономического и политического развития страны. За границей нашего анализа останется внешнеполитическая проблематика, которая заслуживает особого рассмотрения. Последнее двадцатилетие рассматривается в учебниках по истории России для учащихся 10-го класса, а также в учебниках «История», где история России представлена в контексте мировой истории. В настоящее время для преподавания отечественной истории в 10-х классах, где изучается интересующий нас период, официально одобрены Министерством образования Российской Федерации два учебника. Они подготовлены разными авторскими коллективами: под редакцией А. В. Торкунова (История России, 2016) и под редакцией С. П. Карпова (Никонов, Девятов, 2019). Кроме того, в федеральном перечне 2019 г. имеется учебник «История» А. Н. Сахарова,

Н. В. Загладина, Ю. А. Петрова, обобщающий основные события не только мировой, но и российской истории (Сахаров и др., 2019).

Наиболее пристальное внимание уделялось как авторским интерпретациям описываемых событий и процессов, так и авторским умолчаниям о том, что могло бы существенно изменить представленную картину эпохи. Кроме того, изучая, как преобразования последних 20 лет преподносятся учащимся, важно обратить внимание на оценки научного сообщества.

Отображение экономического развития России в XXI столетии имеет смысл проанализировать на примере первых двух упомянутых учебников, поскольку в учебнике Сахарова, Загладина, Петрова для 10–11-х классов по интегрированному повторительно-обобщающему курсу «Россия и мир» экономическая история излагается лишь пунктирно.

В первую очередь заслуживает внимания очевидное разграничивание авторами учебников экономической политики В. В. Путина и предшествующих экономических преобразований. Утверждение авторов учебника под редакцией А. В. Торкунова о том, что с приходом В. В. Путина «к руководству исполнительной властью началась разработка принципиально новой экономической стратегии страны» (История России, 2016, с. 48), противоречит мнению большей части современных экономистов, обосновывающих преемственность экономической политики, как минимум до 2008 г., курсу правительств Гайдара–Черномырдина.

В этом ракурсе вполне справедливая оценка экономического развития страны в начале 2000-х гг. выглядит как признание заслуг президента: «За период 2000–2008 гг. экономика России продемонстрировала темпы роста, которых страна не знала за последние 30 лет» (Там же, с. 85). О том, что экономический рост в указанные годы был обусловлен во многом продолжением либеральных реформ и восьмикратным ростом цен на нефть, авторы не упоминают.

Авторы учебников точно указывают на значимость налоговой и банковской реформ, узаконения частной собственности на землю, создания Стабилизационного фонда и других преобразований 2000–2008 гг. Эти трактовки совпадают с мнением многих ведущих российских экономистов, оценивающих социально-экономические реформы начала XXI в. как прогрессивные. Довольно часто отмечается, что принятие Земельного кодекса, узаконившего, в частности, куплю-продажу земли, позволило развивать сельское хозяйство на капиталистической основе. Экономист С. М. Гуриев указывает, что в 2000–2004 гг. резко снизились барьеры для открытия и ведения бизнеса, налоговая реформа позволила выстроить довольно эффективную систему, позволяющую реально собирать налоги. В 2004–2008 гг. был практически полностью выплачен госдолг, созданы стабфонд и система страхования вкладов – ключевой элемент конкурентной банковской системы [Гуриев, 2019].

Однако ученые далеки от характеристики социально-экономической политики «нулевых» как глубоко продуманной, системной и последовательной, как это предстает в учебниках. Например, несмотря на то что в учебнике под редакцией С. П. Карпова экономическая политика в первые два срока президентства В. В. Путина описывается без превосходных степеней, авторам не удалось уйти от заимствования официальной риторики. В частности, называются основные цели «экономической программы В. В. Путина»: «усиление государственного контроля над стратегическими (прежде всего топливно-энергетическими) отраслями», «укрепление государственных институтов, сокращение масштабов вмешательства государства в экономику, сокращение избыточных социальных обязательств, снижение налогов, достижение полной конвертируемости рубля, поощрение миграции в Россию из стран бывшего Советского Союза» (Никонов, Девятов, 2019, с. 172).

Ученые же обращают внимание на неоднозначность этих преобразований. «С точки зрения организационного дизайна реформ 2000-х годов, они представляли собой не столько целостный проект, управляемый из единого штаба по общему плану, сколько довольно разрозненный набор отдельных мер политического курса, – пишут В. Я. Гельман и А. В. Стародубцев. – Результаты реформ оказались далеки как от оптимистических планов реформаторов, так и от песимистических ожиданий скептиков... Налоговая реформа в России 2000-х годов оказалась “историей успеха”, в то время как реформа механизма социальных выплат отдельным категориям граждан (известная как “монетизация льгот”) потерпела фиаско» [Гельман, Стародубцев, 2014, с. 4].

Авторы учебников предпочитают не отделять социально-экономическое развитие в 2000–2008 гг. и в более позднее время. О печальных итогах социально-экономического развития в последующее десятилетие авторы предпочитают умалчивать, сконцентрировавшись на негативных последствиях мирового экономического кризиса 2008 г.

Между тем многие исследователи склонны выделить два этапа развития страны в XXI столетии, где успешным был только первый. Так, экономист К. И. Сонин характеризует эти 20 лет следующим образом: «Это период 10 лет и период вторых 10 лет. Первые 10 лет – это был самый успешный экономический период на протяжении 10-летия уж точно после Второй мировой войны. Это были и быстрые темпы роста, и значительное улучшение жизни. И следующие 10 лет – то была стагнация» [Сонин, 2019].

По оценкам экономиста О. В. Буклемишева, в 2000–2004 гг. «реализованных реформ оказалось ничуть не меньше, чем преобразований правительств Ельцина–Гайдара и Черномырдина (налоговая, таможенная, банковская, аграрная, пенсионная и др.). После отставки правительства Касьянова было реализовано еще две “реформы” – монетизация льгот и административная реформа, которые были абсолютно не подготовлены и непонятно для чего осуществлялись, поэтому завершились полным провалом. С той поры никаких системных и эффективных реформ в России не было... Российская экономика растет медленно в последние 10 лет – в среднем на 0,4 % в год по ВВП – и будет расти медленнее всего остального мира в ближайшие годы» [Буклемишев, 2019, с. 70, 73].

Как минимум, спорными представляются описания экономического развития в последнее десятилетие как череды успехов, которые не смогли остановить экономические кризисы (2008, 2015 гг.). Например, учебник под редакцией С. П. Карпова не оставляет учащимся сомнений в успешном преодолении трудностей, возникших в связи с экономическим кризисом 2015–2016 гг.: «Благодаря экономическим мерам, предпринятым президентом и правительством, наметился рост российского несырьевого экспорта, разрабатывались и внедрялись программы импортозамещения, особенно в сфере информационных технологий, высокотехнологичного производства, в сельском хозяйстве. При этом доля доходов бюджета от нефти и газа снизилась до самого низкого за всю историю современной России уровня – до 30 %» (Никонов, Девятков, 2019, с. 179).

О роли сырьевого фактора для экономического развития в последние годы говорится настолько много, что очевидное его приуменьшение авторами учебников, а иногда явная дезинформация, как в предшествующем суждении, бросаются в глаза. Да, авторы учебника под редакцией А. В. Торкунова называют главной проблемой российской экономики «сохранение приоритета топливно-энергетической, сырьевой сферы» (История России, 2016, с. 85), но по контексту получается, что после кризиса 2008 г. успешно реализуется курс на инновационное развитие экономики.

В учебнике под редакцией С. П. Карпова в числе экономических итогов 2000–2008 гг. вполне обоснованно названы сверхбыстрые (по сравнению со среднемировыми) темпы экономического роста, рост ВВП, объема иностранных инвестиций, товарооборота, реальных доходов, снижение уровня бедности и безработицы. При этом в изложение вплетается следующая анонимная точка зрения: «Существует мнение, что рост экономики России и благосостояния ее граждан были обеспечены исключительно повышением цен на нефть. Экономический рывок начала XXI в. с нефтью вообще никак не был связан, в то время она стоила 24–28 долларов за баррель. Дополнительные доходы от экспорта углеводородов обеспечили всего около 28 % от роста доходов граждан и лишь 12 % от прироста ВВП. Локомотивом экономики был потребительский, а не сырьевой сектор» (Никонов, Девятков, 2019, с. 175). Выбор предложенного учащимся суждения представляется весьма странным, поскольку большинство экономистов утверждает, что именно многократный рост цен на нефть в наибольшей степени обеспечил прирост экономики в рассматриваемое время.

Экономист и политик В. С. Милов констатирует очевидные факты: «Все эти годы в каждом ежегодном послании президента Федеральному собранию, в каждом выступлении премьера, министров, кто бы это ни был, постоянно говорится, что главная наша экономическая задача – уйти от сырьевой зависимости. <...> В итоге по целому ряду важных критериев, прежде всего по доле нефтегазового экспорта в общем объеме экспорта и по доле доходов от нефтега-

зового экспорта в доходах федерального бюджета, сырьевая зависимость в последние 20 лет неуклонно растет... Это связано не только с ценами, но и с объемами добычи углеводородов. В 2000 году Россия добывала 327 млн тонн нефти, а сейчас около 560. Объемы добычи очень сильно увеличились во второе путинское десятилетие. Это снизило спрос на реформы» [Милов, 2019, с. 86].

С. М. Гуриев прямо указывает на ущербность нефтегазовой ориентации экономики, отмечает, что в 2000-е гг. экономика росла в основном благодаря росту цен на энергоносители. В итоге к началу 2010-х гг. была сформирована примитивная экономическая модель, базирующаяся на природной ренте. «По разным оценкам, почти восьмикратное повышение цен на нефть с 1998 по 2008 г. (когда они выросли с 13 до 97 долл. за баррель в среднегодовом выражении!) объясняет от трети до половины российских темпов роста в первом путинском десятилетии. Очевидно, что эта модель роста была исчерпана уже к 2008 г., – утверждает С. М. Гуриев. – За 10 посткризисных лет (2010–2019 гг.) среднегодовой темп роста составил менее 2 % в год» [Гуриев, 2019].

Социальное развитие страны в 2000–2016 гг. предстает в учебниках как движение с нарастающей динамикой. В этом контексте странным и спорным представляется обоснование целесообразности повышения пенсионного возраста в 2018 г. в учебнике под редакцией С. П. Карпова: «Российская пенсионная система считается достаточно устойчивой по мировым меркам. Средний размер назначенных пенсий на протяжении 2000–2014 гг. постоянно рос» (Никонов, Девятков, 2019, с. 185). Между тем эксперты обращают внимание и на серьезное улучшение социальной сферы в 2000–2008 г., и на нарастание социальных проблем, особенно в последние пять лет. Показательно замечание экономиста Е. Ш. Гонтмахера: «Реальные средние доходы населения с 2000 по 2008 год, до начала мирового кризиса, выросли более чем в два раза... С 2009 года (то есть уже почти 10 лет) российская экономика практически не росла – рост был в среднем менее 1 % в год. Реальные доходы населения при этом увеличивались. После 2014 года они стали падать и падают по сей день. Одновременно начала сокращаться доступность бесплатного здравоохранения и качественного образования» [Гонтмахер, 2019, с. 96].

Особым для учебников сюжетом становится усиление государственного регулирования экономики, которое подается в совокупности с кампанией борьбы с олигархами начала 2000-х. Обоснование этой кампании в учебнике под редакцией А. В. Торкунова отдает конспирологией. Олигархи предстают в образе внутреннего врага российской экономики (уклоняются от налогов и вывозят капиталы). Этот внутренний враг объединяется с внешним врагом (Запад), который принимает российских олигархов и заполняет полки магазинов товарами, лишая шансов на выживание российских производителей. В этом ключе необходимость введения в дальнейшем государственного регулирования экономики объясняется тем, что «значительная часть экономики контролировалась олигархическими или откровенно криминальными структурами» (История России, 2016, с. 46, 82). Арест М. Б. Ходорковского приводится в качестве примера успешной борьбы государства с теми, кто уклонялся от уплаты налогов, подчеркивается, что «в короткий срок федеральный бюджет значительно пополнился средствами, ранее скрытыми от государства» (История России, 2016, с. 83). Неудивительно, что за скобками остается политический и неизбирательный подход такого рода репрессий, абсурдность обвинений, появление новых олигархов, подрыв института частной собственности и т.д.

Авторы учебника под редакцией С. П. Карпова уходят от собственной оценки «борьбы с олигархами» в начале 2000-х, заменив ее фрагментом статьи В. В. Путина «О наших экономических задачах», который начинается так: «Борьба тогда шла между теми, кто присвоил в 1990-е основные денежные потоки (в основе которых была продажа сырья и энергоносителей), и теми, кто хотел вернуть их государству и использовать на благо всего общества. Считаю, что мы тогда поступили правильно, повысив влияние государства в сырьевых областях» (Никонов, Девятков, 2019, с. 172).

На страницах учебников, которые посвящены политическому развитию страны, стоит обратить внимание на описания процесса передачи власти от Ельцина к Путину. Коллектив авторов учебника под редакцией А. В. Торкунова заходит издалека. Одним только контрастом в оценках – негативных для 1990-х и позитивных для 2000-х – учащихся подводят к желаемым выводам. В частности, в одном из заданий учащимся предлагается высказать отношение к сле-

дующему: «Если бы не было таких решительных действий Б. Н. Ельцина в 1993 г., то в результате настоящей гражданской войны погибли бы десятки тысяч людей. Но есть моменты в истории, когда необходимо прервать осуществление демократических процедур, чтобы не скомпрометировать ту же демократию в стране на много лет вперед» (История России, 2016, с. 55). Порочность такого рода аргументации обычно остается в тени, на первый план выходит эмоциональная убедительность. Это еще в большей степени подтверждает предположение, что задания составлены в качестве своеобразного обоснования, «подводки» к тезису о необходимости укрепления государственного аппарата в 2000-х гг., чему посвящены следующие параграфы учебника. Тем более что, подводя итоги политического развития страны в 1990-е годы, авторы делают вывод о том, что «в условиях ослабления федеральной власти проблема территориальной целостности Российской Федерации стала одной из важнейших» (Там же, с. 54).

Безапелляционно заявляется, что «для консолидации общества» был необходим «пересмотр всей стратегии развития страны». Приводится цитата из прощальной речи Б. Н. Ельцина 31 декабря 1999 года: «Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми» (Там же, с. 76). Далее сразу сообщается, что исполняющим обязанности главы государства стал В. В. Путин. Так начинается параграф, посвященный политической жизни в начале 2000-х гг.

В учебнике под редакцией С. П. Карпова, возможно, в связи с краткостью изложения (политическое развитие в эпоху 2000–2016 гг. описывается в одном параграфе из десяти страниц) авторы обошлись простым заявлением, что стратегические цели В. В. Путина соответствовали ожиданиям «модернизационного прорыва для превращения России в конкурентоспособную страну, которая восстановит свои ведущие позиции в мире» (Никонов, Девятков, 2019, с. 160).

В учебнике коллектива авторов А. Н. Сахарова, Н. В. Загладина, Ю. А. Петрова политическая комбинация с отставкой Б. Н. Ельцина, фактически обеспечившая В. В. Путину президентство, подается как вполне демократическая: «Исполнение обязанностей главы государства было возложено на В. В. Путина. Это обеспечило ему возможность, не проводя специальной предвыборной кампании, привлечь внимание избирателей к своей деятельности» (Сахаров и др., 2019, с. 389).

Между тем многие политологи обращают внимание на манипулятивный характер операции «Преемник». Некоторые эксперты высказываются предельно жестко: «Очень важным, знаковым моментом стало то, что Борис Ельцин назначил своего преемника. Этим он просто перечеркнул все республиканские основы... у нас сегодня в стране... существует абсолютная монархия... где один человек решает все», – говорит С. В. Алексашенко [Алексашенко, 2015].

Первые политические шаги В. В. Путина во всех учебниках представлены в однозначно позитивном ключе «укрепления российской государственности». Как основные действия называются введение института полномочных представителей Президента РФ, реформа Совета Федерации и развитие многопартийности. В последнем иногда акцентируется особая роль партии «Единая Россия».

В учебнике под редакцией А. В. Торкунова преобразования, проведенные В. В. Путиным в его первый президентский срок, оцениваются, особенно в контрасте с реформами перестройки и 1990-х гг., крайне позитивно: «Все эти меры позволили усилить роль Центра на местах, укрепить Федерацию, возродить единое законодательное пространство России» (История России, 2016, с. 78).

В учебнике Сахарова, Загладина, Петрова политическое развитие в начале 2000-х гг. также преподносится как безусловный успех, что объясняется авторами достижением согласия между законодательной и исполнительной ветвями власти, которого не было в 1990-е гг. (Сахаров и др., 2019, с. 389–390). При этом укрепление властной вертикали (в позитивной коннотации), экономический рост и развитие культуры называются следствием не только лишь личного вклада нового президента, но и очень удачно сложившихся обстоятельств. Последнее, отдадим должное, добавляет хоть немного объективности.

В учебнике под редакцией С. П. Карпова значение мероприятий по укреплению вертикали власти соотносится с ключевой задачей – «стремлением предотвратить саму возможность распада государства» (Никонов, Девятков, 2019, с. 160). В этом ключе «укрепление вертикали власти» с помощью института полномочных представителей президента, отмены участия гу-

бернаторов и спикеров законодательных собраний регионов в работе Совета Федерации, предоставления президенту права отстранять от власти и фактически назначать губернаторов, существенного перераспределения бюджетных средств в пользу федеральных властей выглядит как назревшие и «правильные» преобразования.

Заметим, что в данном контексте «объективистский подход», при котором названные события остаются не только без критических комментариев автора, но и без альтернативных оценок, становится фактическим оправданием политики существующего режима. Дискурс свертывания демократии, ослабления верховенства права, наступления на права граждан не возникает даже в виде мнений. Напротив, подчеркивается, что якобы «на современном этапе развития российское общество подтверждает приверженность демократическим ценностям» (Там же, с. 170).

Между тем часть юристов и политологов указывает на неконституционный характер института полпредов (часть доказывает обратное, т.е. это как минимум спорный вопрос). Выведение глав законодательной и исполнительной власти из Совета Федерации многие политологи оценивают как нарушение принципа федерализма и гипертрофированную централизацию. В частности, политолог М. С. Ильченко утверждает: «Отмену прямых выборов глав регионов можно считать наиболее резкой и радикальной из всех предпринятых Центром в первой половине 2000-х гг. мер, направленных на усиление позиций федеральной власти в региональной политике. Весьма характерно, что практика назначения губернаторов остается сегодня, по сути, единственным публично наблюдаемым процессом взаимодействия Центра и регионов» [Ильченко, 2011, с. 184]. А. А. Захаров отмечает: «У нас есть федеральное правительство, федеральные бюджеты и даже Федеральное Собрание. Но на деле от объявленного Конституцией федерализма в нынешнее правление, которое уже стало бесконечным, не осталось практически ничего. Федералистские методы не практикуются, и это позволяет специалистам говорить о том, что Российская Федерация не является федерацией ни в чем, кроме названия» [Захаров, 2019, с. 55]. Этнолог и политолог Э. А. Паин констатирует: «С 2000 года в России происходит возврат к централизованной имперской системе, договоры центра и регионов в одностороннем порядке денонсируются Москвой, происходит изменение власти и государственного управления, пропадают выборы в субъектах Федерации... Количество людей, считающих, что они влияют на государство, сократилось в три раза с начала 2000-х годов. Желание людей участвовать в управлении уменьшилось» [Паин, 2019, с. 112].

Не удивляет, что в учебнике под редакцией А. В. Торкунова главными итогами политического развития начала 2000-х гг., поданными с позитивной коннотацией, называются консолидация российского общества, укрепление вертикали власти, усиление роли государства в экономике и социальной сфере, налаживание «равноправных партнерских отношений» с Западом, «возрождение России» (История России, 2016, с. 81). В качестве своеобразного обоснования приводится фрагмент выступления В. В. Путина, завершающийся словами о том, что «сейчас в стране восстановлен конституционный правопорядок, укреплен – а по сути, отстроена заново – вертикаль федеральной исполнительной власти. Российский парламент стал профессионально работающим законодательным органом. Восстановлено единое правовое пространство страны» (История России, 2016, с. 80). Судя по всему, никакой критике эти оценки не подлежат. Критическим рассуждениям ученых о серьезных деформациях разделения властей, демократии, верховенства права места не нашлось. В заданиях учащимся предлагается, в сущности, повторить, следуя учебнику, «почему действия, предпринятые В. В. Путиным, получили поддержку?» или «почему для возрождения России была необходима консолидация общества и укрепление государственной власти?» (История России, 2016, с. 80–81).

Вторая чеченская война в учебниках вписывается в тот же самый контекст укрепления государственности. В учебнике под редакцией А. В. Торкунова она представляется как борьба за справедливость со стороны России. Критика российского руководства выглядит как недомыслие или как проявление враждебности со стороны мирового сообщества и стран-соседей: «С их (Грузии) подачи все громче звучали призывы международных организаций к соблюдению прав человека в Чечне. Казалось, мировое сообщество не понимает опасности террора, не видит связи между событиями в Чечне и деятельностью мировых террористических организаций» (История России, 2016, с. 79).

Во внешнеполитическом разделе ситуация в Чечне в начале 2000-х гг. описывается еще жестче: «Территорию Чечни превратили в плацдарм для развала Российской Федерации. Сюда поступала финансовая и военная помощь из-за рубежа, а в составе бандформирований действовали наемники из других стран» (Там же, с. 92). Образ «врага», окружающего со всех сторон, складывается все более отчетливо.

Показательна характеристика бесланской трагедии: «События начала 2004 г., когда террористы захватили школу в Беслане, взяв в заложники более 1 тыс. человек, показали неготовность исполнительной власти к действиям в кризисных ситуациях. Необходимы были дальнейшие реформы в сфере управления» (Там же, с. 80). Очевидно, что трудно ожидать от авторов федерального учебника критику действий федеральных властей и постановку вопроса об ответственности власти за допущение масштабного теракта и за гибель большого количества заложников. Но никто не обязывал их вслед за официальными лицами абсолютно нелогичным образом доказывать, что теракт обусловил необходимость отказа от прямых выборов губернаторов, введения минимальной планки членства и представительства для политических партий, установления избирательного барьера, введения пропорциональной системы выборов в Государственную думу и создания Государственного совета.

Когда и чем заканчивается Вторая чеченская война, не очень ясно. В контексте изложения, получается, следующим: «На референдуме 2003 г. жители Чечни высказались за сохранение республики в составе Российской Федерации, приняли Конституцию Чеченской республики. Президентом Чечни был избран А. Кадыров. Жизнь в республике стала постепенно налаживаться» (Там же, с. 79).

В учебнике Сахарова, Загладина, Петрова хронология Второй чеченской войны тоже вызывает вопросы. Она начинается в августе 1999 г. и заканчивается концом 2000 г., поскольку последняя фраза звучит так: «К концу 2000 г. под контролем федеральных сил находились все населенные пункты Чеченской Республики». Через несколько страниц появляется информация о терактах, но они уже воспринимаются в контексте войны. Авторы ставят акцент на то, что «В. В. Путин своими решительными действиями завоевал симпатии большинства россиян» (Сахаров и др., 2019, с. 388).

Проблемы применения в Чечне оружия неизбирательного действия, массовых «исчезновений» мирных жителей, ответственности власти за гибель людей (военнослужащих, мирных жителей, заложников), создания и укрепления на территории Чечни режима, неподконтрольного федеральному центру, и т.п. даже не ставятся.

О политическом развитии страны после 2008 г. в учебниках сообщается лишь в общих чертах. Скорее всего, учащимся сложно будет осмыслить значимость кратко упомянутых событий. Например, разобраться в причинах и значении увеличения срока полномочий президента на 6 лет или снижения барьера для прохождения партий в Госдуму до 5 %. Во многом такое восприятие создается общим позитивным контекстом изложения при отсутствии какой-либо проблематизации и анализа тенденций развития. Какие-либо представления о проблемах, порождаемых дальнейшим усилением центральной исполнительной власти, которое сопровождается деградацией всех других политических и правовых институтов, учебники не дают.

Между тем ученые, напротив, акцентируют внимание на существующих проблемах. Политолог А. А. Курбет утверждает: «Очевидна неэффективность института разделения властей, ибо исполнительная власть фактически диктует свою волю власти законодательной. Неэффективен и институт политических партий, которые так и не стали выразителями политических интересов и воли больших социальных групп. Нарастающей критике подвергается также институт выборов, поскольку постоянно меняющиеся правила их проведения все больше ограничивают круг политических субъектов, сужают права граждан, повышают “цену выхода” на политический рынок» [Курбет, 2010]. «Исполнительная власть продолжает доминировать, идеи разделения властей не реализованы», – констатируют эксперты Высшей школы экономики [Кузьминов и др., 2005, с. 26].

Усиление централизации, по мнению ученых, не улучшает, а ухудшает качество управления. «Укрепление центральной власти с начала 2000-х годов вернуло систему управления в привычную “колею”: политическая и бюджетная централизация усиливается год от года, контроль стал тотальным по всей “вертикали” до муниципалитетов, – утверждает Н. В. Зубаревич. –

Однако эффективность территориального управления все ниже, ведь при сверхцентрализации разрушается обратная связь, плохо учитываются интересы регионов и муниципалитетов, растет иждивенчество» [Зубаревич, 2019].

Эксперт центра Карнеги Д. Тренин, рассуждая о сворачивании реформ в «путинском двадцатилетии», обращает внимание на то, что «Путину... не удалось сформировать подлинно национальную властвующую элиту. Когорта, призванная им во власть, во многом оказалась неустойчивой к материальным соблазнам. Российская верхушка и сегодня остается в основном группой лиц, не только ставящих свои корпоративные интересы выше национальных и государственных, но и живущих в отрыве от своей страны, а практически за ее счет. В этом отношении – освобождении от обязанностей государственного служения и строгих моральных ограничений – нынешняя элита принципиально отличается от своих советской и имперской предшественниц» [Тренин, 2019].

Юристы обращают внимание на то, что не удалось обеспечить независимость судебной власти. «Современные российские судьи понимают исполнение своих должностей одновременно как служение государству и как реализацию собственных привилегий. Служение государству понимается и реализуется как фактический отказ от декларируемого принципа независимости судебной власти», – утверждает В. Л. Римский [Римский, 2011, с. 123].

В некоторых случаях можно заметить, что авторы учебников выступают как пропагандисты и, по существу, вводят учащихся в заблуждение. Например, в учебниках сообщается об успешном развитии гражданского общества в стране. Главным обоснованием этого тезиса становится создание Общественной палаты. Заметим, что эксперты и представители гражданского общества оценивают эту меру как имитацию и как стремление к усилению государственного контроля над гражданским обществом. Авторы учебника под редакцией А. В. Торкунова заходят дальше. В полном соответствии с официальной риторикой заявляется о поддержке президентом развития гражданского общества. При этом фактическое наступление на гражданское общество оговаривается фактически конспирологическими причинами. С помощью бездоказательных оценочных суждений формируется образ «не идущего на диалог» сообщества «финансируемых с Запада» общественных организаций. «Многие неправительственные организации, имевшие поддержку от частных корпораций и из-за рубежа, вместо диалога с властями, совместной работы по выявлению и удовлетворению нужд людей предпочитали лишь критиковать власть, а зачастую отстаивали корпоративные интересы тех или иных компаний и зарубежных организаций», – утверждается в учебнике (История России, 2016, с. 86–87). Наличие негосударственных денег и критика власти выглядят как обвинение. Бездоказательность и ложность подобных утверждений очевидна для гражданских активистов. Удушение свободы СМИ также преподносится авторами как благо, поскольку в их интерпретации государственный контроль над ведущими печатными и электронными СМИ позволяет заблокировать выражение интересов олигархических групп и частных лиц (Там же, с. 87).

Таким образом, российская история XXI в. на страницах современных официально одобренных учебников предстает как непротиворечивый поступательный процесс развития обретающей мощь державы, во многом обязанной своими успехами мудрости руководителей государства. Если в отношении истории 1990-х гг. о единстве трактовок тех же самых авторских коллективов говорить не приходится, на что мы ранее указывали [Суслов, Шуйская, 2020], то в отображении последнего десятилетия трактовки совпадают. При этом можно найти довольно много заимствований из официальной и пропагандистской риторики. Трактовки отличает лишь большая или меньшая степень апологетики в текстах. Если в отношении событий 1990-х гг. (и более ранних) авторы учебников подбирали альтернативные точки зрения, то последующие события оцениваются однозначно. Можно говорить, что история последнего двадцатилетия в исследуемых учебниках лишь в малой степени отражает цели исторической науки, в большей степени соответствует целям исторической политики.

Последнее становится тем более очевидным, учитывая, что исследования российских ученых, вне зависимости от их взглядов, невозможно охарактеризовать как апологию действий политических руководителей. Раскрываются как удачные стороны преобразований, так и их непоследовательность, половинчатость, ошибки и особенности субъективного умысла рефор-

маторов, анализируются причины, обусловившие современное состояние российского общества, которое всеми оценивается критически, но с разных позиций.

Список источников

История России. 10 класс: учебник для общеобразоват. организаций: в 3 ч. Ч. 3 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков [и др.]; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016.

Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России. 1914 г. – начало XXI в.: учебник для 10 класса общеобразоват. организаций. Базовый и углубленный уровни: в 2 ч. Ч. 2. 1945–2016 / под науч. ред. С.П. Карпова. М.: Русское слово – учебник, 2019.

Сахаров А.Н., Загладин Н.В., Петров Ю.А. История. Конец XIX – начало XXI века: учебник для 10–11 классов общеобразовательных организаций. Базовый и углубленный уровни: в 2 ч. Ч. 2. М.: Русское слово – учебник, 2019.

Библиографический список

Алексащенко С.В. У нас сегодня в стране абсолютная монархия [Электронный ресурс] // Культ Личности. 2015. 7 ноября. URL: <https://www.svoboda.org/a/27342743.html> (дата обращения: 12.09.2019).

Баттерфилд Д., Левинтова Е. Как формируется история и отношение к ней: школьные учебники о новейшей российской истории [Электронный ресурс] // Полит.ру. URL: <https://polit.ru/article/2010/03/11/uchebniki/> (дата обращения: 20.09.2019).

Буклемишев О.В. Промежуточные итоги и перспективы российских экономических реформ // Россия 2018 года. Четверть века трансформации: удачные эксперименты и упущенные возможности. М.: Школа гражданского просвещения, 2019. С. 68–74.

Вяземский Е.Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 89–97.

Вязовик Т.П. Версия прошлого как государственный миф (к вопросу написания единого учебника отечественной истории) // Символическая политика: сб. науч. тр. М., 2014. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. С. 93–109.

Гельман В.Я., Стародубцев А.В. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов: препринт М-37/14. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петерб., 2014. 36 с.

Гуриев С.М. 20 лет Владимира Путина: трансформация экономики // Ведомости. 2019. 9 августа.

Гонтмахер Е.Ш. Трудная судьба российского социального государства // Россия 2018 года. Четверть века трансформации: удачные эксперименты и упущенные возможности. М.: Школа гражданского просвещения, 2019. С. 94–100.

Захаров А.А. Россия: нереализованная федерация // Россия 2018 года. Четверть века трансформации: удачные эксперименты и упущенные возможности. М.: Школа гражданского просвещения, 2019. С. 55–67.

Зубаревич Н.В. Зачем России сильные регионы? [Электронный ресурс] // МБХмедиа. 2019. 30 мая. URL: <https://www.mbk.news/sences/zachem-rossii-silnye-regiony/> (дата обращения: 12.09.2019).

Ильченко М.С. Центр и регионы в России: практики взаимодействия // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М: РАПН, РОССПЭН. 2011. С. 184–201.

Институты: от заимствования к выращиванию: опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений / Я.И. Кузьминов, В.В. Радаев, А.А. Яковлев, Е.Г. Ясин. М., 2005. 54 с.

Курбет А.А. Публичная политика в современной России [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/publichnaya-politika-v-sovremennoy-rossii-1> (дата обращения: 20.10.2019).

Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гум. науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.

Миллер А.И. Политика памяти в России: год разрушенных надежд // *Полития*. 2014. № 4 (75). С. 49–75.

Милов В.С. Структура российской экономики и экономическая политика: реальность и перспективы // *Россия 2018 года. Четверть века трансформации: удачные эксперименты и упущенные возможности*. М.: Школа гражданского просвещения, 2019. С. 84–93.

Молодяков В. Историческая политика и политика памяти // *Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова*. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 15–35.

Паин Э.А. Россия: от империи – к нации // *Россия 2018 года. Четверть века трансформации: удачные эксперименты и упущенные возможности*. М.: Школа гражданского просвещения, 2019. С. 110–119.

Римский В.Л. Судебная власть и формирование политико-правового порядка в России // *Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка*. М.: РАПН, РОССПЭН, 2011. С. 121–126.

Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге., 2019. 220 с.

Сонин К. Эхо Москвы. 2019. 9 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2479197-echo> (дата обращения: 12.08.2019).

Суслов А.Б., Шуйская Е.В. Школьные учебники о демократическом транзите в России в 1990-е гг. // *Известия Алтайск. гос. ун-та*. 2020. № 6.

Тренин Д.В. 20 лет Владимира Путина: трансформация внешней политики // *Ведомости*. 2019. 14 августа.

Уроки истории: сформировать единое историческое сознание или воспитать критическое мышление? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/49493> (дата обращения: 12.09.2019).

Филиппова Т. Курс на «позитивную идентичность». О новейшей учебной литературе по истории // *Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова*. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 36–52.

Дата поступления рукописи в редакцию 21.01.2021

RUSSIAN HISTORY OF THE 21ST CENTURY IN SCHOOL TEXTBOOKS

A. B. Suslov

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str, 24, 614990, Perm, Russia
National Research University “Higher School of Economics”, Studencheskaya str., 38, 614070, Perm, Russia
absuslov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6127-7623
ResearcherID: J-9972-2015
Scopus Author: 57209235193

E. V. Shuiskaya

Perm State University, Startseva str., 1a, 614051, Perm, Russia
catalinamu7@gmail.com

The article analyzes how the problems of Russian history of the 21st century are presented in modern school textbooks on the history of Russia. The relevance of the studied problem is determined primarily by the importance of history textbooks for constructing memory policies. At the same time, attention is paid to insufficient coverage of the 2000s transformations in modern historiography. The representation of the last twenty years in Russian history textbooks is analyzed in comparison with expert assessments of economists, sociologists, and political scientists. The authors conclude that Russian history of the 21st century appears on the pages of officially approved textbooks as a consistent, ongoing process of the development of a state that is gaining power. The textbooks contain very similar interpretations of the last two decades compared to the history of the 1990s, where one can find different interpretations of events made by the same authors. In addition, in textbooks one can find a lot of borrowings from official and propaganda rhetoric. In relation to the events of the 1990s and earlier, the authors of the textbooks under study selected alternative points of view, and subsequent events are assessed by them unambiguously. It can be stated that in

the studied textbooks, the history of the last twenty years reflects the goals of historical science only to a small extent. It corresponds to the goals of historical policy to a greater extent. This conclusion becomes more obvious in the framework of the studies of Russian scholars, which, regardless of their views, cannot be described as an apology for the actions of political leaders.

Key words: history textbook, the 2000s, reforms, historical memory policy.

References

- Aleksashenko, S.V. (2015), "Today in our country is an absolute monarchy", in *Kul't Lichnosti* [Cult of personality]. November 7, 2015, available at: <https://www.svoboda.org/a/27342743.html> (accessed 12.09.2019).
- Buklemishev, O.V. (2019), "Interim results and perspectives of Russian economic reforms", in *Rossiya 2018 goda. Chetvert' veka transformatsii: udachnye eksperimenty i upushchennye vozmozhnosti* [Russia 2018. A quarter century of transformation: successful experiments and missed opportunities], Shkola grazhdanskogo prosveshcheniya, Moscow, Russia, pp.68–74.
- Butterfield, D. & E. Levintova (2010), *Kak formiruetsya istoriya i otnoshenie k nej: shkol'nye uchebniki o novyeyshey rossiyskoy istorii* [How history is formed: school textbooks on the latest Russian history], available at: <https://polit.ru/article/2010/03/11/uchebniki/> (accessed 20.09.2019).
- Filippova, T. (2011), "The route to "positive identity". About the latest educational literature on history", in *Istoricheskie issledovaniya v Rossii – III. Pyatnadtsat' let spustya* [Historical research in Russia – III. Fifteen years later], AIRO-XXI, Moscow, Russia, pp. 36–52.
- Gel'man, V.Ya. & Starodubtsev A.V. (2014), *Vozmozhnosti i ogranicheniya avtoritarnoi modernizatsii: rossiiskie reformy 2000-kh godov* [Possibilities and limitations of authoritarian modernization: Russian reforms of the 2000s], St. Petersburg, Russia, 36 p.
- Gontmakher, E.Sh. (2019), "The difficult fate of the Russian social state", in *Rossiya 2018 goda. Chetvert' veka transformatsii: udachnye eksperimenty i upushchennye vozmozhnosti* [Russia 2018. A quarter century of transformation: successful experiments and missed opportunities], Shkola grazhdanskogo prosveshcheniya, Moscow, Russia, pp. 94–100.
- Guriev, S.M. (2019), "20 years of Vladimir Putin: transformation of the economy", *Vedomosti*, August 9.
- Il'chenko, M.S. (2011), "Center and regions in Russia: practices of interaction", in *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoy Rossii: vosproizvodstvo i transformatsiya institutsional'nogo poryadka* [Citizens and political practices in modern Russia: reproduction and transformation of the institutional order], RAPN, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 184-201.
- Kurbet, A.A. (n.d.), *Publichnaya politika v sovremennoy Rossii* [Public policy in modern Russia], available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/publichnaya-politika-v-sovremennoy-rossii-1> (accessed 20.10.2019).
- Kuz'minov, Y.I., Radaev, V.V., Yakovlev, A.A. & E.G. Yasin (2005), *Instituty: ot zaimstvovaniya k vyrashchivaniyu: opyt rossiyskikh reform i vozmozhnosti kul'tivirovaniya institutsional'nykh izmeneniy* [Institutions: from borrowing to growing: The experience of Russian reforms and the possibility of cultivating institutional changes], Izd. dom GU VShE, Moscow, Russia, 54 p.
- Mazur, L. N. (2013), "The image of the past: the formation of historical memory", *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta*, Part. 2, Humanities, № 3 (117), pp. 243–256.
- Miller, A.I. (2014), "Memory Policy in Russia: A Year of Ruined Hopes", *Politiya*, № 4 (75), pp. 49–75.
- Milov, V.S. (2019) "The structure of the Russian economy and economic policy: reality and perspectives", in *Rossiya 2018 goda. Chetvert' veka transformatsii: udachnye eksperimenty i upushchennye vozmozhnosti* [Russia 2018. A quarter century of transformation: successful experiments and missed opportunities], Shkola grazhdanskogo prosveshcheniya, Moscow, Russia, pp. 84–93.
- Molodyakov, V. (2011), "Historical memory and memory policy", in *Istoricheskie issledovaniya v Rossii – III. Pyatnadtsat' let spustya* [Historical research in Russia – III. Fifteen years later], AIRO-XXI, Moscow, Russia, pp. 15–35.
- Pain, E.A. (2019), "Russia: From empire to nation", in *Rossiya 2018 goda. Chetvert' veka transformatsii: udachnye eksperimenty i upushchennye vozmozhnosti* [Russia 2018. A quarter century of transformation: successful experiments and missed opportunities], Shkola grazhdanskogo prosveshcheniya, Moscow, Russia, pp. 110–119.
- Rimskiy, V.L. (2011), "Judicial power and the formation of political and legal order in Russia", in *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoy Rossii: vosproizvodstvo i transformatsiya institutsional'nogo poryadka* [Citizens and political practices in modern Russia: reproduction and transformation of the institutional order], RAPN, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 121–126.
- Safronova, Yu.A. (2019), *Istoricheskaya pamyat': vvedenie* [Historical memory: Introduction], Izd-vo Evrop. unta v S.-Peterb., St. Petersburg, Russia, 220 p.
- Sonin, K. (2019), *Ekho Moskvy*, August 9, <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2479197-echo/> (accessed 12.08.2019).

- Suslov, A.B. & E.V. Shuiskaya (2020), “Democratic transition in Russia in the 1990s in textbooks on Russian history”, *Izvestiya AltGU*, № 6, pp. 68–72.
- Trenin, D.V. (2019), “20 years of Vladimir Putin: the transformation of foreign policy”, *Vedomosti*, August 14.
- Uroki istorii: sformirovat' edinoe istoricheskoe soznanie ili vospitat' kriticheskoe myshlenie?* (n.d.) [The lessons of history: to form a uniform historical consciousness or to develop critical thinking?], available at: <https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/49493> (accessed 20.10.2019).
- Vyazemskiy, E.E. (2011), “The historical policy of the state, historical memory and the content of the school course of the Russian history”, *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, №6, pp. 89–97.
- Vyazovik, T.P. (2014), “Version of the past as a state myth (on the question of a single textbook of Russian history writing)”, in *Simvolicheskaya politika* [Symbolic policy], Vol.2, Moscow, Russia, pp. 93–109.
- Zakharov, A.A. (2019), “Russia: unrealized federation”, in *Rossiia 2018 goda. Chetvert' veka transformatsii: udachnye eksperimenty i upushchennye vozmozhnosti* [Russia 2018. A quarter century of transformation: successful experiments and missed opportunities], Shkola grazhdanskogo prosveshcheniya, Moscow, Russia, pp.55-67.
- Zubarevich, N.V. (2019), “Why does Russia need strong regions?”, *MBKhmedia*, May 30, available at: <https://www.mbk.news/sences/zachem-rossii-silnye-regiony/> (accessed 12.09.2019).